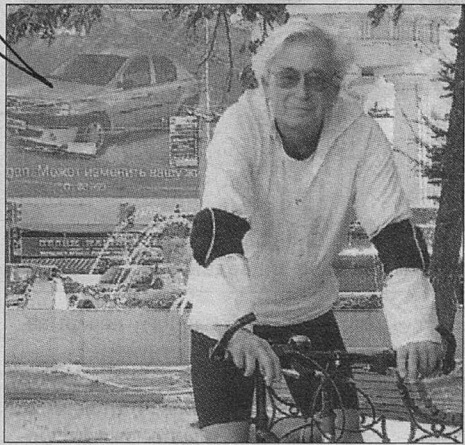

ПОГРАНЭТЮДЫ

Александр ЖОЛКОВСКИЙ

Заметки эросипедиста

Известный филолог и прозаик Александр Жолковский последние 20 лет живет в Калифорнии, но часто бывает и много печатается в России, где недавно выпустил две книги прозы: «Эросипед и другие виньетки» (М.: «Водолей», 2003) и «НРЗБ. Рассказы. Allegro mafioso. Виньетки» (М.: «ОГИ», 2005). Начало «Заметок эросипедиста» см. в «МН» №№ 41, 44 за 2005 г.

Заграница — это миф о загробной жизни.
О. Бендер

Даже те, кому сегодня 30, знают про железный занавес понаслышке и не могут как следует прочувствовать оставшуюся максимум. Надеюсь, она так и останется для них чистой литературой. Эти этюды — о неизбежном переживании выхода в зазеркалье.

Первые двадцать лет своей жизни (включая пять более или менее сознательных) о выезде за рубеж я не помышлял, твердо зная, что граница на замке. Потом ее стали пересекать заезжие иностранцы, и с некоторыми я знакомился. Потом я и сам начал ездить, правда, исключительно в Польшу по частному приглашению, чувствуя себя зошенинским Минькой, откусывающим от нижнего яблочка.

Но постепенно смелел и однажды провез к польским издателям чужую верстку. С диверсантской находчивостью я засунул оттиск в настенную библиотечку пропагандистских брошюр. В Бресте пограничники по-уставному споро нырнули под нижние полки, отжавшись, взлетели к верхним, тщательно осмотрели мой багаж, но коридор инструкцией охвачен, видимо, не был. «Стена, да гнилая», — всплыло в памяти что-то подпольное.

Однажды польские друзья повезли меня в Татры, и там, в местечке с видом на озеро Морские око, мы демонстративно перешли чешскую границу. А через две недели войска Варшавского договора вторглись в Чехословакию, и в яхтенном кемпинге в Гжицко молодые французы спрашивали меня: «Зачем вы это сделали?»

Назад я ехал как бы уже в другую страну. В полупустом поезде солдат, возвращавшийся из Чехословакии, найдя наконец с кем поде-

литься расправившей его гордостью, рассказывал мне, как, едва опередив западных немцев, они защитили Прагу. Я возразил, что ФРГ — оккупированная страна, но наткнулся на полную убежденность и продолжать дискуссию остерегся.

Получив визу для выезда к вымышленным родственникам в Израиль и забирая из прачечной последнее белье, я стал торжественно прощаться с тамошними тетеньками. Но в безвозвратный отъезд они поверить отказывались, допуская максимум командировку на три года: «Ведь вы же советский человек».

Однако этот врожденный недостаток был уже мной утрачен, и 24 августа 1979 г. я покинул СССР, положив конец как общей головной боли проживания на его территории, так и изматывавшим меня реальным мигреньям. (Не отсюда ли слово «эмиграция»?)

Взаимоотношения отъезжанта с советской таможней — особая история. В моем случае ее пуантой стало явление вызванного пограничниками эксперта в штатском, который не разрешил вывезти верстку статьи о Пушкине, содержавшей диаграммы.

В Европе все пошло как по маслу. Уже в Вене израильский Сохнут легко разжал свои якобы принудительные объятия и отпустил нас на попечение Международного комитета спасения в лице его местного представителя — доктора Фауста. А из Парижа позвонил приятель, чтобы внушить главное: отныне никакое решение не является роковым и может быть в любой момент переиграно.

Правда, передислокация в Амстердам, куда у меня было приглашение на работу от Тойна Ван Дейка (все фамилии настоящие), откла-

дывалась, ибо Тойн затерялся где-то в Австралии и письма на гербовой бумаге не слал. Но вот он вернулся, и визу, какого-то самого последнего разбора (titre de passage), выдали.

В амстердамском аэропорту мы встали было в длинную въездную очередь, но были вызволены из нее Ван Дейком, свободно пересекавшим обычно строго соблюдаемую границу.

— Благодаря тебе, — пояснил он, — я стал своим человеком в дипломатических кругах. Да, извини за задержку в Австралии. Я там познакомился с одной красоткой... Но ты не очень опоздал — семестр только начинается.

Преподавал я по вторникам и средам, а остальное время предавался оргии вымечтанных поездок по Европе и за пару месяцев побывал с лекциями аж в семи странах. Поэтому когда в один прекрасный четверг мы с Доро Франк (тогдашней женой Ван Дейка; брак, впрочем, был открыт — любовные партнеры исключались только в Амстердаме) столкнулись в разделявшем наши кабинеты коридоре, она с нарочитой театральностью проинтонировала:

— Аа-лик?! Все еще в королевстве?

Голландия, действительно, невелика, докуда угодно рукой подать. Я испытал наконец тот европейский кайф повсеместной досягаемости, о котором раньше только читал в «Ни дня без строчки», где Олеша восхищается миниатюрностью наполеоновских переходов между завоевываемыми столицами. А недавно я узнал об ответе Лолы Монте немецкому курфюрсту, потребовавшему немедленно покинуть пределы его страны: «Ну, это дело недолгое!»

Приятно было включиться в разработанный топос.

В Германии, куда я поехал с лекциями, сильных момента было два.

Первый — когда я получил приглашение из еще одного университета и решил присоединить к этому лишнее свидание с легкой на подъем и повсюду въездной датчанкой. Услышав об усложнении маршрута, мой регенсбургский коллега вычислил, что при перемене билетов возможна особая скидка, пошел со мной на вокзал и выбил ее.

Второй — когда вечером накануне отъезда я напомнил ему про гонорар.

— Мы в Германии. Все будет организовано. Когда поезд?

— В 9:20 утра.

— В 9:00 мы приходим на кафедру, секретарша печатает заявку, в 9:03 я ее подписываю, в 9:05 бухгалтерия выписывает чек, в 9:07 касса выдает деньги, в 9:10 мы едем на вокзал, и в 9:18 ты садишься в вагон, а я иду на лекцию, — долгие прощания не в моем вкусе.

Так и произошло, и я поехал в ганзейский город Любек, поближе к Дании, да и Голландии.

Случай убедиться, что все всегда поправило, представился однажды по дороге из Италии во Францию. На вокзале в Милане из нескольких поездов я выбрал ближайший. Лишь когда он вынырнул из туннеля в Швейцарии, я осознал свою ошибку — ехать надо было через итало-французскую границу. Швейцарская виза у меня была, но одно-разовая, для более позднего визита в Цюрих. Ее погашение означало бы новый раунд хлопот в швейцарском консульстве.

В вагоне, кроме меня, была только одна пожилая швейцарка. Мы разговорились, и она сказала, что пограничники ходят тут не всегда. После чего пустилась в воспоминания о временах войны, когда, несмотря на полное фашистское окружение, она в контрабандных целях спокойно переходила границу. Я слушал ее, нервно поглядывая на двери. Я уже поверил, что пограничники, и правда, не придут, когда они появились. Они выслушали мою историю, осведомились о теме цюрихской лекции и пожелали успеха. Визу трогать не стали.

Удручающую ноту в эту европейскую идиллию внесли французы. Визу в США нам предстояло получать через парижское отделение Международного комитета спасения. Там нами занимались две француженки, фамилию помню только одной, мадам Мартен. Я звонил им из Амстердама и, попав в очередной бюрократический просак, слышал назидательное:

— Надо внимательно читать наши письма, месье Jolkovski.

Несмотря на корректное «ж», моя фамилия, с ударением на конечном «и», звучала отталкивающе.

Проблемой оказался уже въезд во Францию. Во французском консульстве в Амстердаме секретарша, долго пренебрегавшая моим присутствием, наконец объявила, что о визе не может быть и речи, поскольку действие моего titre de passage скоро истекает, да и с самого начала простиралось всего на четыре месяца, а никакое уважающее себя консульство не приложит своей печати к документу, выданному менее чем на полгода. Мои апелляции к испещрявшим его визам других стран успеха не имели.

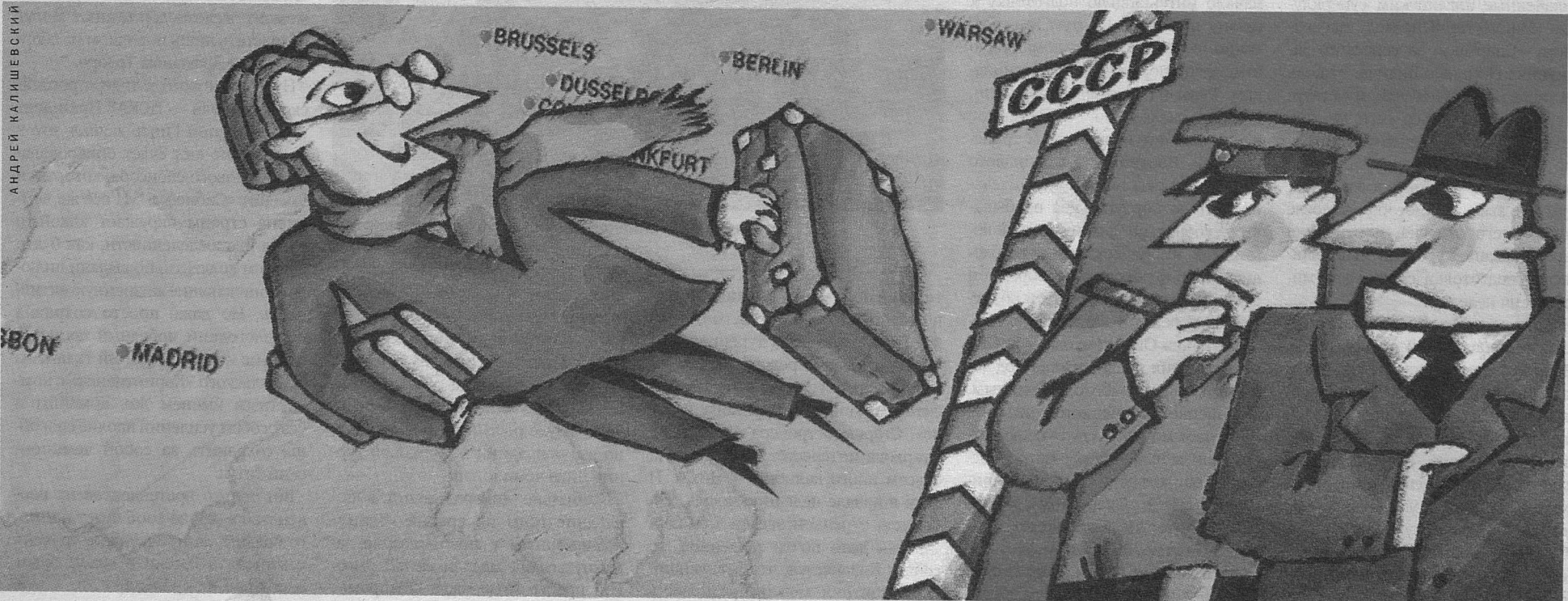
Не помогло и обращение к мадам Мартен. Оказалось, что в одном из писем месье Жолковский был поставлен в известность об этих консульских тонкостях.

Ощутив на своей шкуре действие французского этатизма, я пошел плакаться к Ван Дейку. Он тут же позвонил в голландский МИД и обо всем договорился.

— Заодно посмотрите Гаагу, — сказал он. — В министерстве обратитесь к г-ну Ван Ботену.

Г-н Ван Ботен («Кораблев»), усмехаясь, выписал шестимесячный вид на жительство.

(Окончание следует)

АНДРЕЙ КАЛИШЕВСКИЙ